СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ: ТРАДИЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ УГРОЗЫ

А.А. Кокошин, В.Я. Потапов*

ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ НЕПРЕРЫВНОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ СДЕРЖИВАНИЯ**

Размышления на полях книги А.Л. Журавлева, Т.А. Нестика и В.А. Соснина

«Социально-психологические аспекты геополитической стабильности и ядерного сдерживания в XXI веке***

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Политико-психологический подход к изучению важнейших проблем войны и мира имеет большое значение при проведении исследований в сфере международных отношений. Учет политико-психологических факторов играет существенную роль в обеспечении надежного, убедительного сдерживания в интересах национальной безопасности России, в поддержании стратегической стабильности, которая является одной из основных категорий силового измерения современной мировой политики. В отечественной науке наблюдается явный дефицит работ, посвященных исследованию политико-психологических аспектов обозначенной проблематики. В этой связи большого внимания заслуживает вышедший недавно в свет труд видных ученых Института психологии РАН А.Л. Журавлева, Т.А. Нестика и В.А. Соснина «Социально-психологические аспекты геополитической стабильности и ядерного сдерживания в XXI веке». Авторы настоящего очерка делятся результатами ос-

^{*} Кокошин Андрей Афанасьевич — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, декан факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, 6-й секретарь Совета безопасности РФ (e-mail: decanat@fmp.msu.ru); Потапов Владимир Яковлевич — генерал-полковник в отставке, заместитель секретаря Совета безопасности Российской Федерации в 1998—2004 гг., возглавлял «Постоянное совещание по ядерному сдерживанию» Совета безопасности РФ (e-mail: decanat@fmp.msu.ru).

 $^{^{**}}$ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-37-11136 «Влияние технологических факторов на параметры угроз национальной и международной безопасности, военных конфликтов и стратегической стабильности».

^{***} Журавлев А.Л., Нестик Т.А., Соснин В.А. Социально-психологические аспекты геополитической стабильности и ядерного сдерживания в XXI веке. М.: Институт психологии РАН, 2016. 122 с.

мысления ряда ключевых выводов этой книги и соотнесения их с собственным опытом решения теоретических и прикладных проблем обеспечения национальной безопасности. В очерке также предпринимается попытка вписать труд академика А.Л. Журавлева и его коллег в контекст эволюции фундаментальных научных исследований, которые затрагивали проблемы влияния психологической устойчивости, личностных факторов и особенностей группового мышления на принятие стратегических решений в условиях международных кризисов.

Ключевые слова: стратегическая стабильность, ядерное сдерживание, противоракетная оборона, наступательные вооружения, «Стратегическая оборонная инициатива», политическая психология, макропсихологический подход, когнитивные и мотивационные искажения, эмоциональные состояния и стратегические решения, психология доверия.

Вопросы обеспечения надежного и убедительного сдерживания и поддержания стратегической стабильности играли и играют огромную роль в системе мировой политики. Особенно рельефно их значимость проявляется в условиях конфликтных и кризисных ситуаций. Многие ученые и практики обоснованно считают, что в решении обозначенных проблем весьма существенную роль играет учет психологических (политико-психологических) факторов.

Специалисты в этой области отмечают, что политическая психология как особое направление исследований стала формироваться на Западе в 1960-е годы прежде всего под воздействием угрозы ядерной войны с самыми катастрофическими последствиями [Кольцова и др., 2006: 7]. В нашей стране становление этой общественнонаучной дисциплины относят к 1980-м годам [Петренко, 2016: 6].

Политическая психология занимается в основном изучением иррациональных аспектов политических действий, а также анализом политических процессов как «организованной деятельности», в которой рациональные интересы, осознанные цели претворяются в те или иные политические действия [Гозман, Шестопал, 1996: 7, 19].

В задачи политической психологии входят рассмотрение (в том числе прогнозное) психологических компонентов в политике, понимание значения «человеческого фактора» в политических процессах и определение роли психологических (субъективных) факторов в управлении, являющемся едва ли не главной частью политических процессов [Ольшанский, 2001: 32—33].

Исследованию политико-психологических аспектов ядерного сдерживания и стратегической стабильности в отечественной науке до сих пор уделялось довольно скромное внимание, особенно в сопоставлении с проблемами войны и мира. Как совершенно справедливо отмечает В.А. Веселов, многие авторы слишком поторопились списать стратегическую стабильность (в том числе в ее традиционной интерпретации) «в архив» [Веселов, 2015: 23].

Из новейших работ, посвященных данной проблематике, значительный интерес представляет фундаментальный труд академика РАН А.Л. Журавлева и его коллег Т.А. Нестика и В.А. Соснина «Социально-психологические аспекты геополитической стабильности и ядерного сдерживания в XXI веке».

Авторы подошли к исследованию заявленной темы с позиций макропсихологического подхода: они отмечают, что если традиционными объектами психологического анализа «являлись отдельные психические процессы (память, внимание, мышление и др.), личность, малые и большие группы», то «макропсихология изучает психологические явления, релевантные обществу в целом» (с. 7). При этом ученые обращают внимание и на важность оценки политико-психологических характеристик отдельных лидеров, принимавших критически важные решения по вопросам войны и мира, особенно в условиях ядерного противостояния: «психологическая специфика ядерного противостояния определяется, помимо прочего, высокой зависимостью стратегических решений от психологических особенностей политических лидеров» (с. 41).

* * *

Следует отметить, что указанные авторы отнюдь не являются первопроходцами. О важности и актуальности изучения субъективно-психологических факторов, сопутствующих и во многом предопределяющих ключевые государственные решения, в том числе в политико-военной сфере, свидетельствуют как история, так и новейшие тенденции развития международных отношений и военного дела; исследованию этих факторов посвящен достаточно широкий пласт научных работ.

Важным источником для понимания значимости политико-психологических характеристик являются конфликтные и кризисные ситуации первых десятилетий после Второй мировой войны, особенно в советско-американских отношениях. Многие из этих кризисов были изучены историками и политологами, но их психологические аспекты часто, к сожалению, оставались за пределами внимания специалистов¹. В то же время авторам данного очерка

¹ При этом значительный интерес все еще представляют исследования психологических аспектов принятия решений политиками в годы Первой мировой войны. Например, в коллективном труде под редакцией Л.С. Белоусова и А.С. Маныкина отмечены (со ссылкой на Г.А. Дикинсона) важные особенности взаимного восприятия действий друг друга государственными руководителями различных стран. Многие деятели накануне Первой мировой войны часто были склонны воспринимать поступки оппонентов как угрозу безопасности, которые те в свою очередь считали совершенно безобидными [Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации, 2014: 414].

при рассмотрении хода и уроков Карибского кризиса 1962 г. довелось сталкиваться с мнением ряда авторитетных американских ученых, что если бы на месте Джона Ф. Кеннеди был иной президент (например, сменивший его Л.Б. Джонсон), то все могло бы пойти по иному сценарию и завершиться катастрофическим по своим последствиям обменом ядерными ударами.

Выдающийся отечественный дипломат Г.М. Корниенко обоснованно высоко оценил вклад Н.С. Хрущева и Дж.Ф. Кеннеди в урегулирование кризиса 1962 г.: «Огромное значение для мирного разрешения Карибского кризиса имели личные качества американского и советского лидеров». Г.М. Корниенко отмечал, что «при всей их непохожести оба они в итоге оказались способными, руководствуясь здравым смыслом и проявив политическую волю, выйти на такие решения, которые отвечали как главным целям каждой из сторон (для СССР — ограждение Кубы от угрозы вторжения, а для США — устранение ракет с Кубы), так и общей для всего мира цели — не допустить перерастания кризиса в большую войну» [Корниенко, 2001: 149]. Дипломат при этом справедливо заметил, что «такой исход кризиса нельзя считать гарантированным во всех случаях» [Корниенко, 2001: 149].

Видный российский ученый-политолог В.А. Кременюк, оценивая поведение Н.С. Хрущева и Дж.Ф. Кеннеди, подчеркивал: «...они оба, сумев преодолеть в себе то, что называлось "классовая ненависть", желание нанести противнику как можно больший урон, прочие идеологические и психологические барьеры, пошли на мирное урегулирование кризиса», показав при этом «прекрасный пример того, как избежать хоть малейшего чувства ущемленности или поражения» [Кременюк, 2012: 17].

Нельзя не отметить, что Карибский кризис разгорелся в условиях отсутствия у СССР и США общих (или параллельных) представлений о стратегической стабильности, которые формировались постепенно в последующие годы и были в конце концов кодифицированы в ряде советско-американских документов, в частности в соглашениях по ограничению и сокращению стратегических вооружений и ракет средней и меньшей дальности.

Среди этих соглашений особое значение имеет советско-американский Договор об ограничении систем противоракетной обороны 1972 г., который фиксировал отказ обеих сверхдержав от создания ПРО территории страны для защиты от массированного ракетно-ядерного удара — как в упреждающих, так и в ответных действиях. Процесс осознания ситуации «ядерного пата», протекал и в США, и в СССР сложно, болезненно и отнюдь не линейно.

Немаловажную роль в восприятии проблем противоракетной обороны (за счет создания которой в масштабах всей территории страны и Вашингтон, и Москва хотели выйти из состояния «ядерного пата») играли политико-психологические факторы. Вспомним, что первоначально реакция советской стороны (в лице председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина на встрече в Глассборо в 1967 г.) на предложения главы американской делегации министра обороны США Роберта Макнамары ввести ограничения стратегических вооружений и систем ПРО была весьма негативной, носила ярко выраженный эмоциональный характер.

Однако несколько позднее советские специалисты в обороннопромышленном комплексе и в военном ведомстве пришли к выводу о невозможности создания ПРО территории страны в связи с переходом стратегических наступательных вооружений на оснащение ракет разделяющимися головными частями с блоками индивидуального наведения (РГЧ ИН) и быстрым развитием разнообразных средств преодоления ПРО [Первов, 2003: 143, 208].

Аналогичные заключения были сделаны учеными и в Соединенных Штатах, причем даже раньше, чем в СССР, поскольку США опережали Советский Союз в развитии межконтинентальных баллистических ракет и баллистических ракет подводных лодок с РГЧ ИН.

В последующие годы в первую очередь Белый дом предпринимал неоднократные попытки выйти из ситуации «ядерного пата». стремясь преодолеть состояние полной уязвимости перед лицом другой стороны, что имело в значительной мере психологические основания. Наиболее серьезная попытка такого рода была предпринята администрацией президента США Р. Рейгана — в связи с началом в 1980-е годы масштабной программы НИОКР «Стратегическая оборонная инициатива» (СОИ). Программа предполагала создание научно-технического задела для развертывания многоэшелонной ПРО территории страны с солидной ролью средств космического базирования (в том числе разного рода космических боевых станций). Нельзя не отметить, что первоначальная реакция советского партийно-государственного руководства на СОИ была весьма острой (и даже нервной). Это вызвано тем, что программа была предложена в момент нового значительного ухудшения советско-американских отношений. У многих представителей американской стороны подобная реакция создала впечатление, что Соединенные Штаты оказались на правильном пути — с точки зрения обеспечения их политико-военных интересов. Потребовалось несколько лет напряженной работы ученых, гражданских и военных специалистов в СССР, чтобы выработать наиболее рациональный подход к американской инициативе, который позволял бы обеспечивать национальную безопасность страны (сохраняя стратегическую стабильность), и при этом не самым затратным способом.

Идея СОИ имела яркую психологическую составляющую, выражавшуюся в упорном стремлении лично Р. Рейгана (поддерживаемого, разумеется, рядом членов его ближайшего окружения, среди которых не последнее место занимал такой «ястреб», как министр обороны К. Уайнбергер) преодолеть ситуацию «ядерного пата» во взаимоотношениях с СССР. Значение такого психологического настроя Р. Рейгана (плохо разбиравшегося в военно-стратегических и военно-технических вопросах, но считавшегося сильным, влиятельным лидером) убедительно подтверждают рассекреченные протоколы заседания Совета национальной безопасности США под председательством президента [Saltoun-Ebin, 2012: 209-210, 329]. Желание Р. Рейгана создать такую ПРО территории страны, которая «куполом» прикрывала бы США (но не их союзников), встретило весьма активную оппозицию в самих Соединенных Штатах. Оппоненты СОИ из числа авторитетных политиков, дипломатов, различных групп ученых выступали с рационалистических позиций, оперируя в значительной мере системно-аналитическими категориями. Против выхода США из Договора по ПРО 1972 г., что развязало бы американской стороне руки в испытаниях ряда потенциальных средств противоракетной обороны, активно и эффективно высказывались, в частности, такие влиятельные фигуры, как председатель Комитета по делам вооруженных сил Палаты представителей Лес Эспин и председатель сенатского Комитета по делам вооруженных сил Сэм Нанн. Впоследствии Л. Эспин занял в администрации У. Клинтона пост министра обороны. Противники СОИ обнаружились и в стане союзников США (британский премьер-министр М. Тэтчер специально встречалась по этому вопросу с Р. Рейганом в Кемп-Дэвиде).

В итоге в тот исторический период возобладал рационалистический подход к проблеме воздействия широкомасштабной противоракетной обороны на стратегическую стабильность. США не стали выходить из Договора по ПРО и даже отказались от его так называемой расширенной интерпретации, которая позволяла бы им проводить натурные испытания средств ПРО в космосе.

Нельзя не отметить, что уже на протяжении ряда лет со стороны Вашингтона наблюдаются многочисленные попытки отойти от согласованного подхода к стратегической стабильности. Это не в последнюю очередь связано с односторонним выходом администрации Дж. Буша-мл. из Договора по ПРО 1972 г. ради получения полной свободы в создании как стратегической противоракетной

обороны, так и различных вариантов ПРО на театрах военных действий (ТВД).

Следует вспомнить, что взгляды на данную проблему Дж. Бушамл. и его предшественника У. Клинтона весьма заметно различались, отражая психологические особенности и двух лидеров, и членов их команд: администрация президента от Демократической партии, соглашаясь с российской стороной в том, что Договор по ПРО является одним из «краеугольных камней» стратегической стабильности, активно вела переговоры с Россией о разграничении стратегической и нестратегической противоракетной обороны. Применительно к комплексам ПРО на ТВД была достигнута договоренность о том, что такие системы могут быть развернуты без нарушения Договора по ПРО 1972 г. и не представлять угрозы для возможностей стратегических ядерных сил (СЯС) каждой из сторон [Есин, 2015: 87]. На наш взгляд, подписание подготовленного в результате этих переговоров соглашения позволило бы сохранить более устойчивые, психологически менее напряженные отношения в рамках центрального стратегического ядерного баланса Россия — США. При этом, разумеется, при отсутствии дополнительных ограничений на развитие «нестратегической» ПРО США на ТВД могли бы появляться новые угрозы стратегической стабильности в соответствующих сегментах политико-военных отношений в тех или иных регионах мира. В современных условиях со стороны США наблюдаются разнообразные попытки каким-либо способом уйти от состояния «ядерного пата» — за счет развития целого ряда систем ПРО (стратегической (континентальной) и ПРО на ТВД), а также средств поражения: СЯС, в том числе средств неядерного быстрого глобального удара (НБГУ), и других неядерных вооружений в рамках третьей «стратегии компенсации», призванной осуществить новую «революцию в военном деле»². Со стороны американских специалистов, работающих в политико-военной и военно-стратегической сферах, все чаще раздаются голоса о том, что не стоит полагаться на взаимное гарантированное уничтожение в случае ядерной войны, а необходимо осуществлять сдерживание своих оппонентов посредством лишения возможности выигрыша (deterrence by denial) 3 .

В целом можно заключить, что изучение вопросов стратегической стабильности и стратегического сдерживания все больше

² См. подробнее: [Кокошин и др., 2016].

³ Remarks by Defense Deputy Secretary Robert Work at the CNAS Inaugural National Security Forum // Center for a New American Security. December 14, 2016. Available at: http://www.cnas.org/transcripts/work-remarks-national-security-forum#.Vy3pvoR96M8 (accessed: 15.05.2016).

требует учета факторов, выходящих за пределы классических *рациональных* формул, внимания к индивидуальным особенностям лиц, принимающих исключительно важные решения, соответствующих групп, подразделений госаппарата и пр. Именно эту исследовательскую нишу, как представляется, и может заполнить новая работа А.Л. Журавлева, Т.А. Нестика и В.А. Соснина.

* * *

Академик А.Л. Журавлев и его соавторы поставили задачу «описать проблемное поле и выделить психологические особенности ядерного сдерживания, наметить концептуальную схему его социально-психологического исследования», а также «провести анализ имеющейся международной психологической исследовательской практики в этой области» (с. 8). Такое определение задач представляется полностью обоснованным и весьма актуальным.

А.Л. Журавлев и его коллеги обращаются не только к теме стратегической стабильности, но и к таким вопросам, как эскалация конфликта и «эскалационное доминирование». При этом они оперируют трактовкой понятия «ядерный конфликт», предложенной в свое время одним из авторов данного эссе, как исключительно опасной фазы международной ситуации, в которую вовлечены один или несколько обладателей ядерного оружия и в ходе развития которой эскалация доходит до уровня, когда одна из сторон или они обе начинают рассматривать практическую возможность нанесения ядерного удара [Кокошин, 2003: 4].

В этой связи ученые не могли не коснуться проблемы определения понятия так называемого ядерного порога, трактуя его как «условный момент в ходе военного конфликта, когда может быть принято решение о применении ядерного оружия, мотивируемое расчетом на безнаказанность после его применения». А.Л. Журавлев и его коллеги обоснованно подчеркивают, что «чем сильнее угроза ответного возмездия, тем труднее принять решение применения ЯО и, следовательно, тем выше ядерный порог» (с. 16). Ссылаясь в этой связи на разработки в области макропсихологии, авторы обращают внимание на необходимость обеспечивать психологическую поддержку принятия стратегических решений, в том числе за счет использования «специальных социально-психологических технологий, снижающих вероятность мотивационных и когнитивных искажений при индивидуальном и групповом принятии решений» (с. 17).

По мнению ученых, «решения о приобретении ядерного оружия и нанесении удара могут быть связаны с большим числом когнитивных и мотивационных искажений на индивидуальном и

групповом уровне, способных привести к катастрофическим ошибкам» (с. 27). А.Л. Журавлев и его коллеги анализируют ряд работ видных зарубежных исследователей, в которых отмечается, что часто политики противостоящих сторон «ошибочно оценивают силы противника, его намерения и готовность к применению ядерного оружия» (с. 27). Развивая эти идеи, отечественные авторы приходят к выводу, что «на принятии решений в условиях ядерного противостояния сказываются такие когнитивные эффекты, как сверхуверенность в правильности своего решения, фундаментальная атрибутивная ошибка, недооценка сделанных противником уступок» (с. 32). При этом обращается внимание на то обстоятельство, что в целом внутриличностные и внутригрупповые факторы изучены значительно лучше, чем межличностные, межгрупповые и социальные.

Авторы комментируемого труда приводят весьма интересные результаты анализа дебатов, проходивших в американской политической элите с 1898 по 1968 г. и затрагивавших самые различные вопросы. Приведенные ими данные наглядно показывают, что «политики, характеризующиеся доминантностью в межличностных отношениях, были более склонны к решению политических и международных вопросов силовым путем», а «экстраверты более склонны к поиску компромиссных решений, чем интроверты». Как отмечают А.Л. Журавлев и его коллеги, «влияние индивидуальных различий в разрешении конфликтов подтверждается и лабораторными экспериментами» (с. 32).

В связи с этим ученые приходят к выводу что «перспективными являются исследования, направленные на уточнение той роли, которую играют в принятии стратегических решений эмоциональные состояния». Во многом развивая идеи, высказанные в свое время еще К. фон Клаузевицем, что «впечатления чувств сильнее представлений разумного расчета» [Клаузевиц, 1937: 103], они подчеркивают, что большое значение имеют «индивидуальные стратегии совладания со стрессом, интуиция, особенности личной и социальной идентичности» (с. 32).

Действительно, как отмечают многие аналитики, наряду с рациональными причинами, связанными с экономическими и политическими обстоятельствами, война (как и предвоенное кризисное состояние) всегда несет в себе «иррациональный заряд» [Антропология насилия, 2001: 530]. В этих условиях психологический подход к процессу принятия решений по вопросам войны и мира предполагает и рассмотрение сопутствующего эмоционального состояния.

А.Л. Журавлев и его соавторы оправданно пишут о значении уроков прошлого для принятия решений в современных условиях: «Несмотря на обилие литературы, посвященной групповому мыш-

лению и защитным групповым механизмам, все еще недостаточно исследованными остаются факторы, влияющие на способность управленческой команды извлекать уроки из предшествующего опыта, анализировать отдаленные последствия стратегических решений». Мало изучено и влияние социального окружения, в частности структуры межличностных отношений, на решения руководителя, восприятие им противника и исходящей от него ядерной угрозы (с. 33).

В рассматриваемом нами труде отмечается выявленная американскими учеными определенная социально-психологическая закономерность, касающаяся поддержки принятия тех или иных решений населением: «В условиях вероятного ядерного конфликта общественную поддержку безответственных стратегических решений тем легче обеспечить, чем меньше люди знают о природе ядерной угрозы и способах ее предотвращения». По словам авторов, «корреляционный анализ по критерию Спирмена⁴ показал, что чем ниже информированность о проблемах ядерного сдерживания, тем более респонденты склонны верить в неуправляемость ядерных рисков, менее готовы лично участвовать в предотвращении глобальной катастрофы и больше поддерживают упреждающий ядерный удар» (с. 58). Этот результат может быть осмыслен с помошью такого явления, как когнитивный диссонанс: «...если мы не понимаем, как «устроен» механизм эскалации риска, и считаем, что не можем никак повлиять на его вероятность, то стараемся не думать о таком риске, приуменьшаем его значимость. Связь между низкой информированностью и поддержкой превентивного удара подтверждает, что эффект когнитивного диссонанса может препятствовать адекватному восприятию последствий ядерного удара, вести к упрощенным решениям» (с. 58).

Авторы обращаются в своем труде и к теме психологии принятия групповых решений. Они обоснованно отмечают, что «исключительно важна политико-психологическая устойчивость не только высшего политического и военного руководства, но и всей группы кризисного реагирования» (с. 18). Это лишний раз говорит о необходимости заблаговременного отбора такой группы, оценки психологических особенностей каждого ее участника.

При этом необходимо учитывать и следующий выявленный в результате ряда политико-психологических исследований феномен группового мышления (groupthink): при принятии групповых решений выбор, как правило, делается в пользу большего риска [Гозман, Шестопал, 1996: 18].

⁴ Коэффициент ранговой корреляции Спирмена (Spearman rank correlation coefficient) — коэффициент, отражающий статистическую связь между двумя параметрами, выраженными по степени предпочтительности (шкала порядка).

Заслуживает внимания обозначенная А.Л. Журавлевым, Т.А. Нестиком и В.А Сосниным проблема формирования независимой экспертной группы из числа специалистов соответствующего профиля и выработки правил ее функционирования. Такая группа должна выполнять функцию посредников при принятии групповых решений и предлагать рекомендации высшему руководству страны. Очевидно, что подобная идея, хотя и является интересной, оказывается малореализуемой в силу специфики систем государственного управления, которые во многих случаях в кризисной ситуации не расширяют, а резко сужают число допущенных к анализу обстановки и принятию решений, исходя из очевидных соображений секретности.

С психологическими особенностями населения, политических элит в целом и отдельных государственных руководителей связан вопрос о размерах «неприемлемого ущерба», который является одним из важнейших аспектов обеспечения стратегической стабильности и надежного ядерного сдерживания. Очевидно, что в современных условиях неприемлемый ущерб должен определяться с учетом не только поражающих факторов ядерного взрыва (обычно в первую очередь имеется в виду сила ударной волны), но также вторичных и третичных последствий применения ядерного оружия. Сегодня в США оказались, к сожалению, практически забытыми важные исследования западных и советских ученых по этой теме, которые широко обсуждались в 1980-е годы⁵.

Практическое значение имеют замечания А.Л. Журавлева и его коллег о «психологии доверия». Известно, что доверие — одна из важнейших составляющих взаимодействия между государственными деятелями, дипломатами, военными; недаром в практике международных отношений существуют специальные соглашения о мерах доверия. Авторы формулируют обоснованное предположение, что в критической ситуации, т.е. при высокой вероятности

⁵ Недавние исследования ряда американских ученых (в том числе Ратгерского университета) показывают, что катастрофические последствия для человечества будет иметь применение не сотен, а даже десятков ядерных боеприпасов. В результате использования ядерного оружия и наступления «ядерной зимы» производство продовольствия в мире сократится на 20–40%, что приведет к глобальному голоду. При этом будет происходить масштабный рост ультрафиолетового излучения, сопровождаемый вспышкой соответствующих заболеваний. См.: Mills M., Toon O., Lee-Taylor J., Robock A. Multi-decadal global cooling and unprecedented ozone loss following a regional nuclear conflict // Earth's Future. 2014. Vol. 2. No. 4. P. 161–176; Robock A., Toon O. Self-assured destruction: The climate impacts of nuclear war // Bulletin of the Atomic Scientists. 2012. Vol. 68. No. 5. P. 66–74; Robock A., Oman L., Stenchikov G.L. Nuclear winter revisited with a modern climate model and current nuclear arsenals: Still catastrophic consequences // Journal of Geophysical Research. Atmospheres. 2007. Vol. 112. No. D13107. Available at: http://climate.envsci.rutgers.edu/pdf/RobockNW2006JD008235.pdf (accessed: 23.10.2015).

нанесения ядерного удара, готовность сторон доверять друг другу будет зависеть от иных критериев, чем в ходе переговоров с низким и средним уровнем риска (с. 40). Ученые обоснованно делают вывод, что критерии и уровень доверия при разных степенях субъективного риска фактически являются психологическим содержанием устойчивости военно-стратегического равновесия. Следует напомнить, что доверие формируется как за счет характера общения государственных лидеров, дипломатов, военных, в ходе которого должны решаться определенные проблемы, так и благодаря реализации отмеченных выше разнообразных мер в политико-военной сфере во взаимоотношениях между государствами.

* * *

Подводя итоги нашим размышлениям, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что новая работа академика А.Л. Журавлева и его коллег заполняет весьма важную нишу в исследованиях проблем стратегической стабильности. Актуальность и обоснованность собранных в ней суждений позволяют со всей убежденностью утверждать, что данная монография будет одновременно полезна как самым искушенным в вопросах ядерного сдерживания специалистам, так и более широкому кругу читателей, интересующихся проблемами мировой политики и международных отношений. С нашей точки зрения, она может быть весьма востребована и в учебном процессе при преподавании курсов по проблемам национальной и международной безопасности не только в гражданских, но и в военных высших учебных заведениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Антропология насилия / Под ред. В.В. Бочарова, В.А. Тишкова. СПб.: Наука, 2001.
- 2. Веселов В.А. Трансформация параметров стратегической стабильности: роль технологического фактора // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 3. С. 23—56.
- 3. Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б. Политическая психология. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
- 4. Есин В.И. Политика США в области противоракетной обороны и ее влияние на стратегическую стабильность // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 3. С. 85—114.
 - 5. Клаузевиц К. О войне / Пер. с нем. Т. І. М.: Воениздат, 1937.
- 6. Кокошин А.А. Ядерные конфликты в XXI веке (типы, формы, возможные участники). М.: Медиа-Пресс, 2003.

- 7. Кокошин А.А., Бартенев В.И., Веселов В.А. О новых приоритетах военно-технической политики США. М.: ЛЕНАНД, 2016.
- 8. Кольцова В.А., Нестик Т.А., Соснин В.А. Психологическая наука в борьбе за мир: задачи и направления исследований // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 5. С. 5—15.
- 9. Корниенко Г.М. Холодная война. Свидетельство ее участника. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
- 10. Кременюк В.А. Карибский кризис и его роль в истории // США и Канада: экономика, политика, культура. 2012. № 9. С. 4-19.
- 11. Ознобищев С.К., Потапов В.Я., Скоков В.В. Как готовился «асимметричный ответ» на «Стратегическую оборонную инициативу» Р. Рейгана: Велихов, Кокошин и другие. М.: URSS, 2008.
- 12. Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. Екатеринбург: Деловая книга, 2001.
- 13. Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. П.С. Белоусова, А.С. Маныкина. И.: Изд-во Московского университета, 2014.
- 14. Первов М. Системы ракетно-космической обороны России создавались так. М.: Авиарус-XXI, 2003.
- 15. Петренко В.Ф. Фрагменты психосемантических исследований. М.: О. Пахмутов, 2016.
- 16. Saltoun-Ebin J. The Reagan files. Vol. 2: Inside the National Security Council, 2012.

A.A. Kokoshin, V.Ya. Potapov

POLITICAL AND PSYCHOLOGICAL FACTORS OF STRATEGIC STABILITY IN THE CONTEXT OF CONSTANT IMPROVEMENT OF DETERRENCE TECHNOLOGIES

Thoughts on the Margin of the Book 'Social and Psychological Components of the Geopolitical Stability and Nuclear deterrence in the XXI Century' by A.L. Zhuravlev, T.A. Nestik and V.A. Sosnin

Lomonosov Moscow State University 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

Political and psychological approach to addressing critical issues of peace and war is highly relevant to international studies. Political and psychological perspective is equally important in ensuring credible deterrence in the interests of Russia's national security and global strategic stability — one of the fundamentals of contemporary power politics. Contemporary Russian political science lack research on political and psychological aspects of strategic stability. In this regard, a new book 'Social and psychological components of geopolitical stability and nuclear deterrence in the XXI century' by prominent scholars from the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences — A.L. Zhuravlev, T.A. Nestik and V.A. Sosnin deserves a special attention. The authors of the essay contemplate on some of the key findings of this book and

compare them with their own experience of addressing theoretical and practical challenges of national security. The essay also puts this book in a broader context of evolution of fundamental studies which addressed the impact of psychological resilience, personal factors and group thinking patterns on strategic decision-making during international crises.

Keywords: strategic stability, nuclear deterrence, anti-ballistic missile defense, offensive weapons, Strategic Defense Initiative, political psychology, macro-psychology, cognitive and motivational bias, emotional state and strategic decisions, psychology of trust.

About the authors: *Andrei A. Kokoshin* — Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Dean of School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, 6th Secretary of the Security Council of the Russian Federation (e-mail: aakokoshin@gmail.com); *Vladimir Ya. Potapov* — Lieutenant General (Ret.); Deputy Secretary of the Security Council of the Russian Federation; for several years headed the Permanent Conference of the Security Council of the Russian Federation on Nuclear Deterrence (e-mail: safety@vosafety.ru).

Acknowledgements: This work has been accomplished with a financial support from the Russian Foundation for Humanities, research project № 15-37-11136 'The Impact of Technological Factors on Parameters of National and International Security, Military Conflicts and Strategic Stability'.

REFERENCES

- 1. Bocharov V.V., Tishkov V.A. (eds.). 2001. *Antropologiya nasiliya* [Anthropology of violence]. St. Petersburg, Nauka Publ. (In Russ.)
- 2. Veselov V.A. 2015. Transformatsiya strategicheskii stabil'nosti: rol' tekhnologicheskogo faktora [The role of technological factor in transforming parameters of strategic stability]. *Moscow University Journal of World Politics*, no. 3, pp. 23–56. (In Russ.)
- 3. Gozman L.Ya., Shestopal E.B. 1996. *Politicheskaya psikhologiya* [Political psychology]. Rostov-on-Don, Feniks Publ. (In Russ.)
- 4. Esin V.I. 2015. Politika SShA v oblasti protivoraketnoi oborony i ee vliyanie na strategicheskuyu stabil'nost' [Missile defense policy and its impact on strategic stability]. *Moscow University Journal of World Politics*, no. 3. C. 85–114. (In Russ.)
 - 5. Klauzevits K. 1937. *O voine* [On war]. Moscow, Voenizdat Publ. (In Russ.)
- 6. Kokoshin A.A. 2003. *Yadernye konflikty v XXI veke (tipy, formy, vozmozhnye uchastniki)* [Nuclear conflicts in the XXI century (Types, forms, possible participants)]. Moscow, Media-Press Publ.
- 7. Kokoshin A.A., Bartenev V.I., Veselov V.A. 2016. *O novykh prioritetakh voenno-tekhnicheskoi politiki SShA* [On new priorities of the U.S. military and technology policy]. Moscow, LENAND Publ. (In Russ.)
- 8. Kol'tsova V.A., Nestik T.A., Sosnin V.A. 2006. Psikhologicheskaya nauka v bor'be za mir: zadachi i napravleniya issledovanii [Psychological science in its

- struggle for peace: Tasks and lines of investigations]. *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 27, no. 5, pp. 5–15. (In Russ.)
- 9. Kornienko G.M. 2001. *Kholodnaya voina. Svidetel'stvo ee uchastnika* [The Cold War. Testimony of a participant]. Moscow, OLMA-PRESS. (In Russ.)
- 10. Kremenyuk V.A. 2012. Karibskii krizis i ego rol' v istorii [The Cuban Missile Crisis and its role in history]. *SShA and Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, no. 9, pp. 4–19. (In Russ.)
- 11. Oznobishchev S.K., Potapov V.Ya., Skokov V.V. 2008. *Kak gotovilsya 'asimmetrichnyi otvet' na 'Strategicheskuyu oboronnuyu initsiativu' R. Reigana: Velikhov, Kokoshin i drugie* [On the preparation of an 'asymmetric response' to the Ronald Reagan's Strategic Defense Initiative: Velikov, Kokoshin, and others]. Moscow, URSS Publ. (In Russ.)
- 12. Ol'shanskii D.V. 2001. *Osnovy politicheskoi psikhologii* [Fundamentals of political psychology]. Ekaterinburg, Delovaya kniga Publ. (In Russ.)
- 13. Belousov P.S., Manykin A.S. (eds.). 2014. *Pervaya mirovaya voina i sud'by evropeiskoi tsivilizatsii* [The First World War and the destiny of European civilization]. Moscow, Moscow University Press. (In Russ.)
- 14. Pervov M.A. 2004. *Sistemy raketno-kosmicheskoi oborony Rossii sozdavalis' tak* [The establishment of space and missile defense systems of Russia]. Moscow, Aviarus-XXI Publ. (In Russ.)
- 15. Petrenko V.F. 2016. *Fragmenty psikhosemanticheskikh issledovanii* [Fragments of psychosemantic studies]. Moscow, O. Pakhmutov Publ. (In Russ.)
- 16. Saltoun-Ebin J. 2012. The Reagan files. Vol. 2: Inside the National Security Council.